

ТАТЬЯНА РОБЕРТОВНА РУДИ

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник
Отдела древнерусской литературы
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)
tatianarudi@mail.ru

ЕВГЕНИЙ ГЕРМАНОВИЧ ВОДОЛАЗКИН

доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник
Отдела древнерусской литературы
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)
evodolazkin@mail.ru

ИЗ ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРНОЙ ТОПИКИ: СТАРООБРЯДЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ

Литературная топика, один из наиболее значимых элементов средневековой поэтики, является важнейшей характеристикой памятников литературы Древней Руси. Статья посвящена проблемам исследования литературной топики на материале памятников старообрядческой книжности, в частности – сочинений выговской литературной школы. В работе рассматриваются отдельные агиографические формулы (*крепкий адамант, непоколебимый столп*) и традиционные мотивы монашеского жития (рождение героя от благочестивых родителей, тайный уход из дома, первоначальный отказ в постриге из-за юности отрока и др.). Материалом для исследования послужили сочинения Семена Денисова «Виноград Российский» и «История об отцах и страдальцах соловецких», жития Корнилия Выговского, Кирилла Сунарецкого, выговское Житие инока Епифания и другие сочинения старообрядческих авторов. Проведенное исследование показало, что в своем агиографическом творчестве выговские книжники опирались на систему традиционной житийной топики, развивая ее в соответствии с новыми художественными задачами.

Ключевые слова: древнерусская книжность, литературная топика, топос, мотив, канон, литературная формула, агиография, житие, старообрядчество, выговская литературная школа

Для цитирования: Руди Т. Р., Водолазкин Е. Г. Из истории литературной топики: старообрядческая традиция // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 6 (183). С. 92–99. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.377

ВВЕДЕНИЕ

Литературная топика – одна из наиболее значимых характеристик средневековых текстов, создававшихся (и воспринимавшихся) в системе нормативной поэтики (см.: [3: 218–219], [10: 236], [23] и др.). Основными свойствами топоса, как известно, являются устойчивость и повторяемость (ср.: [25: 262]). Вместе с тем топике, как и любому явлению культуры, свойственно развитие. Так, по мнению А. М. Панченко, «взгляд на искусство как на “эволюционирующую топику” (здесь и далее курсив наш. – Т. Р., Е. В.) прямо-таки завещан нам фольклором и древнерусской письменностью» [10: 236].

Целью настоящей работы является рассмотрение использования и развития элементов средневековой топики в старообрядческой книжной традиции, и в частности – в сочинениях выговской литературной школы, известной своим высоким риторическим мастерством (о литературном наследии выговцев см.: [13], [20], [21], [22]). Так, по замечанию Н. В. Понырко, второй

выговский наставник Семен Денисов воспринимался современниками в первую очередь как проповедник и ритор:

«Несмотря на заслуги на поприще настоятельства, Семен Денисов осознавался в старообрядческой среде как проповедник, ритор по преимуществу (ср. характеристику основателей монастыря в “Истории Выговской пустыни” Ивана Филиппова: “Даниил – златое правило Христовы кротости, Петр – устава церковного бодрое око, Андрей – мудрости многоценное сокровище и Симеон – сладковещательная ластовица и немолчная богословия уста”)» [12: 333].

Е. М. Юхименко отмечает, что и старший из братьев Денисовых, Андрей, как свидетельствует его Житие, составленное Андреем Борисовым, в 1718 году ездил в Киев для изучения риторики, где, по свидетельству Ивана Филиппова, «грамматическому и риторическому разуму учащиеся и зело иззыче» (см.: [21, 1: 17], [19: 139]).

Рассмотрим отдельные элементы литературной топики, нашедшие отражение в старообрядческой книжной традиции и получившие в ней свое развитие.

Одним из наиболее ярких элементов средневековой поэтики является формула «твёрдого адаманта». Уходящая корнями в библейскую традицию (см.: Амос 7: 7–8), пришедшая на Русь из Византии¹, она активно используется в агиографических памятниках при описании твердости святого в вере или терпении (см. подробнее: [15]).

Слово *адамант* (от греч. ὁ ἀδάμας – сталь)² вошло в культурное сознание Древней Руси в своем позднем, переносном значении – как драгоценный камень, алмаз, обладающий исключительной твердостью, а потому не подверженный каким бы то ни было воздействиям³. Наиболее активно топос *адаманта* присутствует в мартриях – житиях мучеников, принявших смерть за веру⁴. Назовем в качестве примера Житие Иоанна Казанского, пострадавшего за православную веру в татарском плена во времена Василия III ([9: 364]).

В старообрядческой традиции формула «крепкого адаманта» получила активное развитие. Наиболее распространенный ее вариант читается в Житии первого насельника Выговской поморской пустыни Корнилия, созданном в начале XVIII века его учеником и келейником Пахомием. Повествуя об испытаниях, выпавших на долю подвижника, агиограф замечает:

«По многих же трудах и подвигах иночества своего, по многих гонениях и скорбех, бедах, и разграблениях, и досадах пребываше во всем непреклонен душею, яко твердый адамант» [1: 269–270].

Примечательно, что смысловой контекст, в который помещена здесь интересующая нас формула («пребываше во всем непреклонен душею»), соотносит ее с другим житийным топосом, часто выступающим своеобразным стилистическим синонимом топоса *адаманта*, – формулой «непоколебимого столпа» (см. о нем: [16]). О том, что выговский агиограф был хорошо знаком с этим топосом, свидетельствует тот факт, что он использовал его для характеристики четырех поборников старой веры – протопопа Аввакума, священника Лазаря, дьякона Феодора и инока Епифания, которых именует «крепкими столпами православия» [1: 232].

Вообще, следует отметить, что Пахомий был хорошо знаком с системой агиографической топики, о чем свидетельствует неоднократное использование им традиционных житийных топосов. Так, мотив первоначального отказа в постриге (игумен монастыря, искушая святого, поначалу не соглашается постричь его, объясняя свой отказ молодостью отрока и/или тяжестью постнического жития)⁶ представлен здесь в устойчивых формулах лишь в первой его части, при этом соединен с иным сюжетным поворотом, определенным, по-видимому, реальным ходом событий: известный своими иноческими подвигами отец Капитон, к которому отрок Конон приходит с просьбой принять его «в сожительство

братии», направляет юношу в другой монастырь, ссылаясь на тяготы пустыннической жизни в своей обители:

«Отец же Капитон глаголаше ему: «Чадо Конане, Бог да исполнит желание твое, якоже сам хочет. Но понеже юн сый еси и не можеши зде трудов иночества понести, понеже место пусто есть и всякаго утешения кроме, – но даю ти совет благ: да идеши в Корнилиев монастырь Комельского, и тамо тя примут с любовию. И инок будеши, и угодна Богу и тебе полезная ко спасению души твоего устроиши»» [1: 188–189].

Отметим, что литературная параллель этому варианту мотива имеет место в Житии Саввы Освященного: Евфимий Великий отказывает пришедшему к нему отроку в просьбе остаться, отослав его при этом в другой монастырь – к чернецу Феоктисту – и уверяя, что именно там ему предстоит «велику приятии пользу»⁷.

Среди других использованных в Житии Корнилия Выговского топосов – так называемая «цитата вселения» из 131-го псалма, использующаяся при описании вселения подвижника в пустыню:

«Прииде же Корнилий на место сие, идже ныне келия его видится, нача строити келию, и глагола: «Се покой мой. В век века зде вселюся, яко Бог изволи»» [1: 247]⁸ (ср.: Пс. 131: 14).

Упомянем также традиционный мотив монашеской аскезы – краткий сон сидя или стоя (не «на ребрах»). Этот топос использован здесь дважды – сначала при описании жизни «богоподвижных» иноков, подвизавшихся в Ветлужских лесах под началом отца Капитона, известного своей сурской аскезой («И инии же на ребрах не спяху, но седя или стоя мало сна приимаху»); позднее тот же мотив в прямом лексическом выражении существует в рассказе о подвиге самого Корнилия:

«Паче же неспанием и поклонами земными себе томяще: многа лета на ребрах не спяше, но седя или стоя мало сна приимаше» [1: 190, 264].

Представлен в Житии Корнилия и мотив борьбы святого с бесами, являющийся обязательным топосом житий преподобных. Одним из наиболее устойчивых его элементов является традиционная молитва, представляющая собой цитату (или ее фрагменты) из Псалтыри: «Да воскреснет Богъ, и расточатся врази Его...» (Пс. 67: 1–4), а также формула «без вести ихъ сотвори», являющиеся прямым отражением практики монашеских «запрещальных» молитв во отгнание бесов. В Житии Корнилия читаем:

«Глаголаше бо некогда, яко во юности, егда бяше блудная брань приходжаще от беса, тогда постом и молитвою без вести творяще» [1: 263–264].

Примечательно, что, по наблюдениям исследователей, Житие Корнилия Выговского было использовано в качестве источника при составлении целого ряда старообрядческих сочинений, среди которых – жития Кирилла Сунарецкого, боярыни Морозовой, инока Епифания, а также «История Выговской пустыни» Ивана Филиппова (см.: [2], [6], [11]).

Но вернемся к топосу *твердого адаманта* и его бытованию в старообрядческой книжности. В Житии боярыни Морозовой он использован при описании голодных пыток мученицы за старую веру, завершившихся смертью подвижницы:

«И глагола ей монах, якоже повелено есть ему, еже увещати ю, поне мало покоритися. *Доблестный же адамант*, егда услыша таковая, позыба главою и воздхнув велими, глагола мужески: “Оле, глубокаго неразумия, о, великаго помрачения! Доколе ослепосте злобою? Доколе не возникните к свету благочестия?”» [7: 143].

Как видим, в данном случае традиционная формула несколько изменена: вместо обычного определения «крепкий» («твёрдый») использован эпитет «добролестный», который, как показывает житийная традиция, может использоваться в формуле в качестве замещающего синонима. Впрочем, он и сам является подвижным, поскольку имеет варианты. Так, в Похвальном слове князьям Федору, Давиду и Константину Ярославским читаем:

«...приступающыя ко всечестнѣй рацѣ и многоцѣлѣбным мощемъ *твѣрдаго и доблѣаго сего адаманта*, духовнымъ пивомъ напоившаго жаждущихъ душъ» (цит. по рукописи: РНБ, собр. ОЛДП, Ф. 1, л. 166об.-167).

Вообще, следует отметить, что в старообрядческих мартириях топос *адаманта* получил не только самое широкое распространение, но и развитие. Так, Семен Денисов в «Истории об отцах и страдальцах соловецких» неоднократно использует его при описаниях приверженцев старой веры, причем сравнение с адамантом, в соответствии с традицией предшествующей агиографии, часто подкрепляется использованием родственного ему топоса *непоколебимого столпа*.

Повествуя о бесплодных попытках царя заставить соловецких сидельцев покориться его воле, выговский наставник заключает: «*Но тиши тверди в дрѣвлецерковнѣмъ благочестии, яко адаманти, стояху, к преждеявленнымъ увѣтствованиемъ, яко столпи к вѣтру, обрѣтошася*» [18: 50]. В заключительной же части памятника, содержащей похвалу несломленным страстотерпцам, принявшим мученическую смерть за старую веру, читаем:

«*Похвалимъ и крѣпкия церковныя адаманты, блаженныя страстотерпцы похвалимъ, иже страстотерпческия подвиги страстотерпческимъ мужествомъ в страстотерпческѣмъ страдании предивнѣ понесшия и страстотерпческую многотомленія смерть за истину всежелателно избравшия...*» [18: 100–101]⁹.

Иногда топос *адаманта* может использоваться в «Истории» не только в похвальных, но и в собственно повествовательных пассажах, сопряжая при этом свое смысловое наполнение. Так, описывая не предавшиеся тлению тела убиенных соловецких страдальцев, Семен Денисов использует топос *адаманта* применительно ко льду, на котором эти тела долгое время лежали (не

поддаваясь физическим законам, лед не тает под солнечными лучами), переводя его тем самым из области символической в условно «реальную»:

«А иже на губѣ морстѣй ледъ, на немъ же отеческая тѣлеса лежаху, не истаявше и не растилѣвшеся, но не- движимъ от толикия солнца теплоты, от тако зѣлнаго вара распаления, яко камень крѣпкий, яко *адамантъ, нерушимый* являся, твердъ и непоколѣбимъ стояше, преестественнымъ знамениемъ симъ, самою чудесе вѣщю благочестивое страданіе отецъ и святость тѣлесъ лежащихъ паче трубы всѣмъ проповѣдая...» [18: 77].

Однако и в этом случае скрытая символика образа *адаманта* оказывается в дальнейшем реализована напрямую – после сравнения с «камнем крѣпким» нерастаявшего льда автор сравнивает с ним (со льдом) лежавшие на нем тела мучеников, также не поддавшиеся разрушению:

«И не токмо ледъ, иже под тѣлесы святыхъ постланый, толико крѣпокъ, толико твердъ обрѣтеся, но и самая блаженная страдалецъ тѣлеса, яже на губѣ морстѣй лежащая, яже на столпѣхъ различно висящая, яже на земли острова казненно поверженная, въ таковыя весенныя дни и в тако жарчайшая солнцепечения ничтоже естественныхъ показаша, ниже согнития, ниже ропы, ниже вони смрадныхъ, сообычныя мертвымъ тѣлесемъ, излияша, но вышеестественнымъ благодати содерганиемъ, яко живыхъ или спящихъ, тѣлеса тако лежаху, яко цвѣтъ на поляхъ, яко кринъ во удолѣхъ, тако цвѣтъху и благоукарашауся» [18: 77–78].

В другом сочинении, посвященном страдальцам за старую веру, «Винограде Российской», Семен Денисов также неоднократно обращается к топосу *адаманта* (как правило, в сценах исцелений), причем использует различные его варианты.

Повествуя об отце Вавиле (глава 21-я), который, по свидетельству автора, «*бяше <...> рода иноземческа, вѣры люторскія*», Семен Денисов так описывает его переход в православие: «...от свѣтскаго бываетъ иночъ, от мирожителя пустынножитель, от гордящагося и сластолюбца смиренъ, воздержникъ и *терпѣнія всекрасный адамантъ показася*» [4: 48]. Отметим, что эпитет «всекрасный», которым здесь наделен адамант, является одним из самых активно употребляемых Семеном Денисовым (ср.: «*Бяше убо всекрасный Вавила рода иноземческа...*» [4: 47 об.]; «...ибо красный страдания подвигъ за *всекрасныя отеческия законы* красно совершилъ возуердствова» [4: 109об.] и др.). Завершая рассказ о страдальце, после долгих пыток принявшем смерть в «срубопалении», автор, сравнив его с драгоценным камнем *анфраксом*¹⁰, восклицает: «...душу несодолѣнну, сердце непобѣжденно, умъ неподвижимъ въ страдании *адамантски показа!*» [4: 50].

В главе 53-й («О Маркѣ Олончанинѣ») топос *адаманта* также использован дважды: воздавая хвалу твердости и терпению мученика, автор характеризует его как «*адамантъ къ терпѣнію многоцѣнныи*» [4: 86]. Во втором случае читается

формула «адамантового сердца», синонимичная формуле «адамантовой души», также имевшей хождение в русской агиографической традиции¹¹: «...страстотерпець многое мужество, и преславно велиcodушие, и крѣпко адамантское сердце изъяви» [4: 86 об.]. Интересно отметить, что в западной средневековой традиции формула «сердца из диаманта» имеет в большинстве случаев резко отрицательное наполнение: такую характеристику получают почти исключительно грешники, не способные раскаяться и смягчить свои окаменевшие сердца перед словом истины (см. об этом: [24]). Средневековая русская книжность, за редкими исключениями, не знает такой интерпретации образа *адаманта*¹².

Глава 68-я, посвященная писарю Иоанну Красулину, содержит довольно частое в агиографической традиции совмещение топосов *столпа* и *адаманта*, которые взаимодополняют друг друга:

«...ибо страдалец къ скорбемъ и напастемъ яко столпъ, къ томлениямъ и мукамъ яко многоцѣнныи адамантъ камень, къ ранамъ и язвамъ яко всекрѣпкое накавално и бяше, и познавающееся» [4: 111].

Традиционную художественную парадигму символов терпения – *столпа* и *адаманта* – автор распространяет здесь образом «всекрѣпкой наковальни», который он неоднократно использовал и в других случаях (ср.: «Но понеже крѣпкъ бяше и твердъ страдалецъ, адамантъ къ терпѣнию многоцѣнныи и наковално къ биенiu невредное познавающееся...») [4: 86–86 об.]. Отметим, что мотив наковальни как символа терпения был известен уже в византийской традиции. Так, в переводном Мучении Ирины читаем: «Азъ великая наковальня, о нюже разбивашеся въсяка душа грѣшьныхъ»¹³.

Примечательно, что в главе «О Маркѣ Олончининъ» после цитированных нами ранее фрагментов, содержащих топос *адаманта*, также присутствует топос *непоколебимого столпа*, являющийся его смысловым эквивалентом:

«Видяще мучации, яко не могоша крѣпкаго ослабити, непобѣдимаго страдальца побѣдити ниже ласканьми, ниже толикими многоплетенными муками, яже жестоко нанесоша, но твердаго столпа поколебати не возможоша» [4: 87].

Обращает на себя внимание, что Семен Денисов в данном случае традиционный для *адаманта* эпитет «твѣрдый» относит к *столпу*, – что еще раз подтверждает взаимозаменяемость этих топосов. Это положение подтверждается наличием в житийной традиции и обратного варианта мены: в Житии митрополита Филиппа традиционный для *столпа* эпитет – «непоколебимый» – отнесен к *адаманту*: «Он же, яко адамантъ непоколѣбим, пребывающе...» [8: 278–279]. Известный соловецкий книжник Сергий Шелонин, использовавший этот текст для создания своего «Слова на перенесение мощей митрополита Филиппа», вернул адаманту его традиционный

эпитет «твѣрдый», сохранив при этом и идею *неколебимости* сравниваемого с ним подвижника: «Видя же царь твердаго адаманта терпѣние и непоколебимо течение, <...> заточением осуждает его в монастырь...» [17: 413].

В заключительной главе «Винограда Российскаго», содержащей Житие мученика Мемнона (Глава 74: «Повѣсть о житии, подвѣзѣхъ и страданіи раба Божія Мемнона, пострадавшаго за дрѣвлецерковное благочестіе и сожженнаго на Холмогорахъ въ лѣто 7206»), мотив *адаманта* реализован в сложном варианте, представляющем собой своеобразное «удвоение топоса». Описав гнев и ярость неких архимандритов и приказных судей Патриаршего приказа, пытавшихся заставить героя Жития отречься от «двоеперстного сложения», автор заключает:

«...некроткое оно соборище, много томившее исповѣдника кроткаго, от благочестиваго исповѣданія отлучити не могоша, не къ трости бо колеблемой, но къ адамантову желѣзу приразившеся бяху, тѣмже не побѣдиша, но побѣждени от крѣпкаго адаманта обрѣтоша» [4: 123].

Как видим, Семен Денисов не только использовал в своем тексте традиционную житийную формулу «крепкого адаманта», но и усилил ее авторским словосочетанием «адамантово желѣзо», несущим многоуровневую художественную нагрузку: во-первых, оно содержит в себе «удвоение» (а следовательно, усиление) образа (*адамант* – греч. *сталь*), во-вторых, подразумевает внутреннюю ассоциацию с известным средневековым представлением о том, что *адамант* не подвергается воздействию железа¹⁴, а кроме того – выстраивает контрапунктную связь с читающимся в следующей фразе сообщением о том, что Мемрон был закован его врагами в «тяжкие желѣзы»: «Чесо ради неправедный на праведнаго судь изнесоша, желѣзы тяжкими оковаша неповиннаго и въ темное мѣсто затвориша небесныя почести достойнаго» [4: 123–123 об.]. Еще одна скрытая параллель – с *непоколебимым столпом* – выстраивается автором с помощью отрицательного сравнения: герой оказывается непобедим, будучи «*крѣпким адамантом*», а не «*колеблемой тростью*».

Топика *адаманта*, широко представленная и активно развитая в сочинениях Семена Денисова, использовалась и в позднейших сочинениях старообрядческих авторов. Так, в Житии основателя и строителя Виданской пустыни Кирилла Сунарецкого (Сунского, Виданского), созданном на Выгу в 30-е годы XVIII века, этот топос представлен неоднократно. Впервые он присутствует в главе «О брани диавольстей на блаженного Кирилла» – в традиционной сцене борьбы подвижника с бесами:

«Многажды бо великия клопоты и звуки творяше, и шума ужасомъ тщающееся поколебати терпѣливую

душю, и всяко покушащеся от мѣста его отгнati, но *адамантово Кириллово сердце* ни огнемъ рвения диаволя таяше, ни стыдѣнию ярости его разсѣдашеся, но *пребыващe непоколѣбимо*»¹⁵.

Как видим, и здесь, в соответствии с житийной традицией, мотив *адаманта* сопряжен – пусть и не прямо – с топикой *непоколѣбимого столпа*: бесы безуспешно пытаются «*поколебати терпѣливую душу*» подвижника, но сердце его, не поддавшись дьявольской бранi, «*пребыващe непоколѣбимо*».

В другом случае, вспоминая о самоотверженной обороне Соловецкой обители и мученической гибели ее защитников (глава «О избѣжании Кирилловѣ от обители его пришествия ради гонителей»), автор использует формулу «*крепкого адаманта*» в ее классическом выражении:

«И на то вси со многаго времяни с общего совѣту самоволно преуготовяся и запѣршеся, и вси за древль-церковное благочестие разными муками и смертию скончашася, яко крѣпкии адаманты»¹⁶.

Отметим, что выговское Житие инока Епифания, составляющее с Житием Кирилла Сунарецкого своеобразный диптих (см.: [11: 168–169]), в изложении того же трагического эпизода также использует топос *адаманта*:

«Но соловецкии отцы яко адаманти в древлецерковном благочестии крѣпко стояще, никакоже ни в чемъ не ослабляюще, отсылающе их бездѣлныхъ»¹⁷.

В главке «О брани Кириловѣ с помыслы» агиограф сунарецкого подвижника использует особый вариант топоса *адаманта*, известный, в частности, в гимнографии:

«Старецъ же плакашеся о семъ, и каяся Богу, и молитвою на помыслъ вооружися, ибо в непрестанных молитвахъ, яко адамантъ во утвари¹⁸, красяшеся, днемъ и нощю Господеви моляшеся присно и просяще помощи на нападающаго на ны врага»¹⁹.

Вариант той же формулы, расширенной традиционным эпитетом «*крепкий*», читается, например, в кондаке святителю Феодору, архиепископу Ростовскому:

«В молитвах Господеви предстоя, яко же крепкий адамант во утвари, по вся дни и нощи пред лицем Божиим светяся молитвами, ихже ради трудов Незадимаго Света сподобився, но, яко имея дерзновение к рождему от Святыя Девы Христу Богу нашему, Егоже моли непрестанно о всех нас»²⁰.

Вообще, следует сказать, что авторы выговских житий Кирилла Сунарецкого и инока Епифания²¹, как и большинство старообрядческих книжников, подчеркнуто ориентировавшихся на традиции средневекового канона (см., например: [5]), активно и умело используют агиографическую топику. В обоих памятниках присутствуют как элементы авторской топики (в частности, мотивы самоуничижения и «неискусности»)²², так и основные мотивы и сюжеты похвального жития.

Так, Житие Кирилла Сунарецкого, построенное по традиционной житийной схеме²³, включает в себя обязательные агиографические топосы: рождение будущего подвижника от благочестивых родителей, отказ от детских игр, обучение грамоте, насильственное – по воле родителей – «сопряжение брака», тайный уход из дома, приход в монастырь и пострижение во иноческий образ, борьба с бесами и т. д. Следует отметить при этом, что агиограф не только использует традиционную схему иноческого жития, но и умело реализует его основные мотивы с применением устойчивых формул. Так, описывая тайный уход Карпа (мирское имя Кирилла) из родительского дома, автор использует мотив «*святой ничего не берет с собой*» (см. о нем: [14: 441–444]) в его наиболее распространенной форме – герой берет с собой лишь немного хлеба и одежду, в которой всегда ходил:

«И не по мнозѣ времени во едину от нощѣ, всѣмъ домашнимъ его и супругѣ в глубокий сонъ сведеннымъ бывшимъ, той же, востав скоро, взя с сбою мало хлѣба и ризу, юже всегда ношаще, изыде тайно из дому своего...»²⁴.

Примечательно, что, обращаясь к житийной топике, агиограф нередко развивает традиционные мотивы, усложняя их психологическим обоснованием. Так, в главке «О пострижении во иноческий образъ» он не просто использует мотив первоначального отказа отроку в постриге из-за его юности (см. о нем: [14: 447–452]), но распространяет его в соответствии с конкретной ситуацией:

«И глаголаху ему: «Чадо любезное, тѣсноту сея пустыни непроходимыя видиши и сущия в ней тяжкия труды уже искусиль еси, иночества же иго како носять братия, можеши разумѣти. Ты же, юнь сый, того ради не можеши подвига сего терпѣти. К тому же еще и родителей имаши, болящихъ о тебѣ, и сожителницу с чадомъ, плачущихъ отиществия твоего ради. Негли нѣкогда и твоя мысль воспалится к любви ихъ, и восходиши возвратитися к нимъ паки, и тогда послѣдняя твоя презрѣнию и посмѣяню достойна будуть»»²⁵.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как известно, выговская литературная школа, это наиболее яркое явление старообрядческой книжности, в своем «словесном художестве» ориентировалась на принципы поэтики рубежа XVII–XVIII веков – витийство, риторику и философию, – стараясь «обратить достижения “внешней” мудрости на пользу старой вере» (см.: [21, 1: 16]). Проведенное исследование показало, что в своем агиографическом творчестве выговские книжники опирались на систему традиционной житийной топики, развивая ее в соответствии с новыми художественными задачами.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ТОДРЛ – Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ См., например, в «Слове похвальном Онуфрию Великому»: «Вси снидемся, князи и бояре, и церковницы, <...> вси со-вокупльшеся на память преподобного, и велелынаго, и достохвалного, и чоднаго, поистинѣ в преподобных изящнаго оружника Онуфрия Великаго, и празднственная воспоминь *кргъпкому адаманту*, да мзду равну воспримите от Господа Бога и Его преподобнаго угодника великаго Онуфрия!» (цит. по рукп.: РНБ, собр. ОЛДП, Q. 460, л. 34об.–35).
- ² Греч. ὁ ἀδάμας происходит от ἀδάμω – «осиливать», «укрощать», отрицательная приставка а- придает лексеме обратное значение – «неодолимый», «неукротимый». См.: Вейсман А. Д. Греческо-русский словарь. М., 1899. Изд. 5-е (репринт: М., 1991). Стб. 17. Об адаманте (в западной традиции – диаманте) см. также: Греческо-русский словарь, изданный Киевским Отделением Общества классической филологии и педагогики / Обработал А. О. Постишиль. 2-е изд. Киев, 1890. С. 12; Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1975. Вып. 1. С. 21–22; Wright R. V., Chadbourne R. L. Crystals, gems & minerals of the Bible. The Lore and Mystery of the Minerals and Jewels of Scripture, from Adamant to Zircon. New Canaan, Connecticut, 1988. Р. 1–3, 54–57; Der Diamant: Mythos, Magie und Wirklichkeit / Chefredaktion Robert Maillard. Paris, München, London, Amsterdam, New York; Erlangen, 1991; и др.
- ³ Алмаз является самым твердым природным веществом. См. об этом: Алмаз: Справочник / Авторы Д. В. Федосеев, Н. В. Новиков, А. С. Вишневский, И. Г. Теремецкая; Отв. ред. Н. В. Новиков. Киев, 1981. С. 49; Рид П. Дж. Геммологический словарь. Л., 1986. С. 14.
- ⁴ Другой важнейший его вариант используется по преимуществу в житиях преподобных; см. об этом: [14: 485].
- ⁵ В качестве других примеров использования топоса *адаманта* в различных его вариантах назовем жизнеописания преподобномученика Галактиона Вологодского, замученного в 1612 году при разгроме Вологды польско-литовскими отрядами (см.: РНБ, F.XVII.16, л. 684об.), и Житие митрополита Филиппа – московского святителя, не сломившегося в противостоянии царю-тирану и принявшего за это мученическую кончину (см.: [8: 278–279]). Топос *адаманта* активно использовался и гимнографами. Упомянем здесь Канон литовским мученикам Антонию, Иоанну и Евстафию, пострадавшим в 1347 году в Вильне при дворе князя Ольгерда (см.: Минея. Апрель. М., 2002. Т. 1. С. 267, 268).
- ⁶ См. жития Феодосия Печерского, Антония Римлянина, Евфросинии Сузdalской, Антония Сийского, Феодосия Сийского, Григория Пельшемского, Сергея Радонежского, Герасима Болдинского и др.
- ⁷ Ср.: «Чадо, не мъню достоинути быти, унути и еще сущу въ Лаврѣ прѣбывать, – ни бо лаврѣ польза приносить, еже уношу имѣти, ни уноше лѣпо посрѣдѣ быти отецъ. *Нѣ паче иди, сыну, къ долѣшнему манастирю, къ чернѣю Феоксисту (sic!)*, и зг҃ло имаши велику приятии пользу» (цит. по: Помяловский И. В. Житие св. Саввы Освященного, составленное св. Кириллом Скифопольским, в древнерусском переводе. СПб., 1890. С. 33 (ОЛДП, № 96)). Наличие этой параллели, однако, – вне зависимости от того, была ли она известна автору Жития Корнилия, – не может рассматриваться как аргумент, ставящий под сомнение (или подтверждающий) достоверность описываемых в Житии событий, поскольку она является фактом иной – литературной – реальности. Можно лишь предположить, что этот эпизод мог послужить литературной моделью иноку Пахомию при описании сходного сюжета, объединяющего жития Корнилия и великого Саввы.
- ⁸ В цитате сохранена присущая изданию разбивка текста на фразы.
- ⁹ Цитированной фразе предшествует фрагмент, также содержащий, среди прочих формул, топос столпа: «Возрадуемся же и возвеселимся <...> и веселящеся, благодаримъ Господа Бога, несказанного в милосердии и несусуднаго, благодаримъ таковия своя угодники, истины свѣтилини, всесвѣтлья спасения столпы, преподобный чудотворцы нам показавшаго» (с. 100).
- ¹⁰ Анфракс (или антракс; от греч. ὁ ἄνθραξ – уголь) – карбункул (см.: Библейская энциклопедия / Труд и издание архимандрита Никифора. М., 1891 (репринт: М., 1990). С. 52) или рубин (см.: Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1975. Вып. 1. С. 41). Ср.: «Карбункуль (карьбукуль, м. Огненно-красный драгоценный камень (гранат, рубин; шпинель)» (Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1980. Вып. 7. С. 77). Анфракс неоднократно упоминается в Библии, см.: Тов. 13: 17; Исх. 28: 18, 39: 11; Иез. 28: 13.
- ¹¹ См., например, в Житии Иоанна Нового Белгородского, созданном в начале XV века Григорием Цамблаком: «Он же молитву шептаниемъ устен знаменование, да яко и воини изнемогше, биюще *адамантеския оны душа уды*» (цит. по рукп.: РНБ, собр. ОЛДП, F. 1, л. 83).
- ¹² В русской средневековой книжности нам известен лишь один случай подобного толкования – своего рода исключение, подтверждающее правило. Речь идет о «Слове в неделю 27-ю», представляющем собой проповедь на евангельское чтение Лк. 13: 10–17 (зачало 71), которое традиционно приписывалось в научной литературе перу Димитрия Ростовского. В интерпретации автора памятника, ориентированного на латинские (и шире – западные) образцы, образ *сердца из адаманта* (диаманта) абсолютно идентичен образу «окамененного сердца», глубоко укорененному в библейской и святоотеческой традициях и имеющему исключительно отрицательные коннотации (см. об этом: [15: 21–26]).
- ¹³ Цит. по: Успенский сборник XII–XIII вв. / Изд. подгот. О. А. Князевская, В. Г. Демьянов, М. В. Ляпон; Под ред. С. И. Коткова. М., 1971. С. 142.
- ¹⁴ См., например, в статье «Физиолога» «О камени адамантине»: «Есть другое естество андаматину камени: *тако ни же леза съ боить, ни воня дымъя приемлетъ*. Да аще в дому обрящесь, ни демонъ ту внидеть»; цит. по: Физиолог / Изд. подгот. Е. И. Ванеева. СПб., 1996. С. 38 (Литературные памятники).
- ¹⁵ Цит. по: Руди Т. Р. Житие Кирилла Сунарецкого (публикация текста) // ТОДРЛ. СПб., 2016. Т. 64. С. 465.
- ¹⁶ Руди Т. Р. Житие Кирилла Сунарецкого (публикация текста). С. 485.
- ¹⁷ Цит. по: Руди Т. Р. Выговское Житие инока Епифания (публикация текста) // ТОДРЛ. СПб., 2017. Т. 65. С. 522. См. также другие варианты использования топоса *адаманта* в Житии Епифания: «И на пути всѣми сокровищи нуждъ, досадъ и безчестий преславно изобилствуя и присно окружаемъ, яко всекрѣпкій адамантъ, дражайшии камень, показуется, сладостно вся находящая подымаше напасті» (с. 526); «Похвалимъ кргъпкія церковныя адаманты, блаженныя страстотерпцы!» (с. 539).
- ¹⁸ То есть в украшении. См.: Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка. М., 1989 (репринтное издание). Т. 3, ч. 2. Стб. 1303–1304.
- ¹⁹ Руди Т. Р. Житие Кирилла Сунарецкого (публикация текста). С. 489–490.
- ²⁰ Минея. Ноябрь. М., 2002. Т. 2. С. 496.
- ²¹ Известно, что выговская литературная школа, практиковавшая принципы коллективного творчества, предполагала многоэтапную совместную работу автора и редактора, попеременно работавших над текстом. См. об этом: [11: 168].

²² См. в Житии Кирилла: «...но возбраняет недостоинство мое и грубость, понеже имъя разумъ несовершень и всякого невѣжествия исполненъ, не учень грамматического и риторического разума и ни единаго дѣла стяжахъ ко исправлению. И свою немощь смотряя недостижну и великому исправлению онаго старца взирая, аки безгласенъ и бездѣленъ, въ недоумѣнии и ужаси бывъ, не обрѣтая словесъ потребныхъ, подобныхъ дѣяню его, како могу азъ, бѣдный, въ нынѣшнее послѣднее время такого отца житие списати, и неисченная труды его сказати, и дѣянія того и подвиги послушателемъ слышанна вся соторвоти? Немощно есть малой лодеици велико и тяжко бремя налагаемо понести, сице и превосходить нашу немощь и умъ подлежащая бесѣда» (цит. по: Руди Т. Р. Житие Кирилла Сунарецкого (публикация текста). С. 450); ср. в Житии Епифания: «Преплыти хощу великою пучину похваль того терпѣнія, – боюся, яко неискусенъ. Восприяхъ троstry к начинанию повѣсти – и паки помѣтахъ: трепетна ми десница, яко скверна сущи и недостойна начертанію повѣсти. И паки, восприемля троstry, устремляюся повѣсти. Аще и помраченъ разумъ имъю, но на молитвы надѣяся, и повѣсти началу касаюся. Что же реку, и что возлаголю, и како началу слова коснуся, разума нищетою обѣяту ми сущу? Ниже риторики навыкъ, ни философии когда учиhsя, ниже паки софистику прочетшу, не наказан и не учень всего книжного учения! И во училищахъ не бѣхъ, всего невѣжествия исполнен есмъ, и писати добрѣ слова не вѣмъ – како ли смѣю дерзнути таковой дивной повѣсти касатися...» (цит. по: Руди Т. Р. Выговское Житие инока Епифания (публикация текста). С. 496).

²³ Текст памятника разделен на традиционные тематические главы: «О отечествѣ и о родителях блаженного», «О рождении блаженного», «О научении грамотѣ», «О сопряжении брака» и т. д. (см.: Руди Т. Р. Житие Кирилла Сунарецкого (публикация текста). С. 450–500).

²⁴ Руди Т. Р. Житие Кирилла Сунарецкого (публикация текста). С. 456.

²⁵ Там же. С. 459. Отметим, что в выговском Житии Епифания трансформацию традиционных житийных мотивов – с выходом в область реалистически разработанных психологических зарисовок – наиболее отчетливо можно наблюдать в сюжете о борьбе подвижника с «мурящими», имеющим своим источником топос аскетических подвигов преподобных, подставлявших свое тело на съедение комарам (см.: Руди Т. Р. Выговское Житие инока Епифания (публикация текста). С. 515–517).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Брещинский Д. Н. Житие инока Корнилия Выговского, написанное Пахомием: Исследование и тексты. Мичиган, 1976. 317 с.
- Брещинский Д. Н. Житие Корнилия Выговского как литературный памятник и его литературные связи на Выгу // ТОДРЛ. Л., 1977. Т. 33. С. 127–141.
- Булатин Д. М. Античные традиции в древнерусской литературе XI–XVI вв. (Slavistische Beiträge. Bd. 278). München, 1991. 468 с.
- Виноград Российской, или Описание пострадавших в России за древлецерковное благочестие, написанный Симеоном Дионисиевичем (князем Мышецким). М., 1906. 134 л.
- Водолазкин Е. Г. О «стужающих Божеству» // ТОДРЛ. СПб., 2016. Т. 64. С. 406–409.
- Гришкевич Е. Д. О некоторых особенностях Жития Кирилла Выговского в редакции Трифона Петрова // Проблемы исторической поэтики: Актуальные аспекты. Петрозаводск, 2015. Вып. 13. С. 71–86.
- Житие протопопа Аввакума. Житие инока Епифания. Житие боярыни Морозовой: Статьи, тексты, комментарии / Изд. подгот. Н. В. Понырко. СПб., 1994. 240 с. (Древнерусские сказания о достопамятных людях, местах и событиях. Т. 2).
- Лобакова И. А. Житие митрополита Филиппа: Исследование и тексты. СПб., 2006. 312 с.
- Ольшевская Л. А., Травников С. Н. Житие Иоанна Казанского // Герменевтика древнерусской литературы. М., 2000. Сб. 10. С. 360–365.
- Панченко А. М. Топика и культурная дистанция // Историческая поэтика: Итоги и перспективы изучения. М., 1986. С. 220–260.
- Понырко Н. В. Кирилло-Епифаниевский житийный цикл и житийная традиция в выговской старообрядческой литературе // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 29. С. 154–169.
- Понырко Н. В. Семен Денисов Вторушин // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1998. Вып. 3. Ч. 3. С. 332–335.
- Понырко Н. В. Эстетические позиции писателей выговской литературной школы // Книжные центры Древней Руси. XVII век: Разные аспекты исследования. СПб., 1994. С. 104–112.
- Руди Т. Р. О композиции и топике житий преподобных // ТОДРЛ. СПб., 2006. Т. 57. С. 431–500.
- Руди Т. Р. О топосе адаманта в древнерусской книжности // ТОДРЛ. СПб., 2014. Т. 63. С. 3–28.
- Руди Т. Р. «Яко столп непоколебим» (об одном агиографическом топосе) // ТОДРЛ. СПб., 2004. Т. 55. С. 211–227.
- Сапожникова О. С. Слово на перенесение мощей митрополита Филиппа Сергея Шелонина // Книжные центры Древней Руси: Соловецкий монастырь / Под ред. С. А. Семячко. СПб., 2001. С. 342–437.
- Семен Денисов. История об отцах и страдальцах соловецких: Лицевой список из собрания Ф. Ф. Мазурина / Изд. подгот. Н. В. Понырко, Е. М. Юхименко. М., 2002. 272 с.
- Филиппов И. История Выговской старообрядческой пустыни. СПб., 1862. 480 с.
- Юхименко Е. М. Выговская старообрядческая пустынь: Духовная жизнь и литература: В 2 т. М., 2002. Т. 1. 544 с.; Т. 2. 480 с.
- Юхименко Е. М. Литературное наследие Выговского старообрядческого общежительства: В 2 т. М., 2008. Т. 1. 688 с.; Т. 2. 568 с.
- Юхименко Е. М. Невежество и премудрость в интерпретации выговских писателей-старообрядцев // ТОДРЛ. СПб., 2004. Т. 55. С. 508–516.
- Čuževskij D. Zur Stilistik der altrussischen Literatur. Topik // Festschrift für Max Vasmer zum 70. Geburtstag am 28. Februar 1956. Wiesbaden, 1956. S. 105–112.
- Неманн А. Das steinharte Herz: Zur Geschichte einer Metapher // Jahrbuch für Antike und Christentum. Jahrgang 4 (1961). Münster, 1962. S. 77–107.
- Обермайер А. Zum Toposbegriff der modernen Literaturwissenschaft // Toposforschung / Hrsg. von Max L. Baumer. Darmstadt, 1973. S. 252–267 (Wege der Forschung. Bd. 395).

Tatiana R. Rudi, PhD in Philology, Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation)
Evgeni G. Vodolazkin, Doctor of Philology, Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation)

THE HISTORY OF LITERARY TOPIC: THE OLD BELIEVERS' TRADITION

Literary topic, one of the most significant elements of medieval poetics, is the most important characteristic of the literature of Ancient Rus'. The article deals with the problems of the study of literary topic through the texts of the Old Believer literature, in particular, the writings of the Vyg literary school. The work examines some hagiographic formulas (*strong adamant, unshakable pillar*) and traditional motifs of monastic vita (birth of a hero from pious parents, secret departure from home, initial refusal to take the tonsure because of the young age, etc.). The material for the study comprised Simeon Denisov's *The Russian Vineyard* and *The Story of the Fathers and Sufferers of Solovki*, as well as *The Life of Cornelius of the Vyg*, *The Life of Cyril Sunaretsky*, *The Vyg Life of Epiphanius the Monk* and other works of the Old Believers. The study showed that in their hagiographic work the Vyg scribes relied on the system of traditional vita themes, developing it in accordance with new literary tasks.

Keywords: Old Russian literature, literary topic, *topos*, motif, canon, literary formula, hagiography, *vita*, Old Believers, Vyg literary school

Cite this article as: Rudi T. R., Vodolazkin E. G. The history of literary topic: the Old Believers' tradition. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2019. No 6 (183). P. 92–99. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.377

REFERENCES

1. Breshchinskiy D. N. *The Life of the Monk Cornelius of the Vyg written by Pachomius: Research and texts*. Michigan, 1976. 317 p. (In Russ.)
2. Breshchinskiy D. N. *The Life of Cornelius of the Vyg as a literary work and its literary relations in the Vyg*. *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury*. Leningrad, 1977. Vol. 33. P. 127–141. (In Russ.)
3. Bulanin D. M. *Ancient traditions in Old Russian literature of the XI–XVI centuries* (Slavistische Beiträge. Bd. 278). München, 1991. 468 p. (In Russ.)
4. *The Russian Vineyard or The Story of Those who Suffered for the Old Church Piety* written by Simeon Dionisievich (Prince Myshetsky). Moscow, 1906. 134 f. (In Russ.)
5. Vodolazkin E. G. About those who “pester the God”. *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury*. St. Petersburg, 2016. Vol. 64. P. 406–409. (In Russ.)
6. Grishkevich E. D. Some features of *The Life of Cyril of the Vyg* in the version of Trifon Petrov. *Problemy istoricheskoy poetiki: Aktual'nye aspekty*. Petrozavodsk, 2015. Issue 13. P. 71–86. (In Russ.)
7. The Life of Archpriest Avvakum. The Life of Epiphanius the Monk. The Life of Boyarynia Morozova: Articles, texts, commentaries. (N. V. Ponyrko, Ed.). St. Petersburg, 1994. 240 p. (In Russ.)
8. Lobakova I. A. *The Life of Metropolitan Philip: Research and texts*. St. Petersburg, 2006. 312 p. (In Russ.)
9. Olshevskaya L. A., Travnikov S. N. *The Life of Ioann Kazansky*. *Germenevtika drevnerusskoy literatury*. Moscow, 2000. Issue 10. P. 360–365. (In Russ.)
10. Panchenko A. M. Topic and cultural distance. *Istoricheskaya poetika: Itogi i perspektivy izucheniya*. Moscow, 1986. P. 220–260. (In Russ.)
11. Ponyrko N. V. Kirillo-Epifanievsky hagiographic cycle and hagiographic tradition in the Old Believer literature of the Vyg. *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury*. Leningrad, 1974. Vol. 29. P. 154–169. (In Russ.)
12. Ponyrko N. V. Simeon Denisov Vtorushin. *Slovar' knizhnostii Drevney Rusi*. St. Petersburg, 1998. Issue 3. Part 3. P. 332–335. (In Russ.)
13. Ponyrko N. V. Aesthetic positions of the writers of the Vyg literary school. *Knizhnye tsentry Drevney Rusi. XVII vek: Raznye aspekty issledovaniya*. St. Petersburg, 1994. P. 104–112. (In Russ.)
14. Rudi T. R. The composition and topic of the lives of reverend saints. *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury*. St. Petersburg, 2006. Vol. 57. P. 431–500. (In Russ.)
15. Rudi T. R. The *topos* of adamant in Old Russian literature. *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury*. St. Petersburg, 2014. Vol. 63. P. 3–28. (In Russ.)
16. Rudi T. R. “Steadfast like a pillar” (on one hagiographic *topos*). *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury*. St. Petersburg, 2004. Vol. 55. P. 211–227. (In Russ.)
17. Sapochnikova O. S. Speech by Sergius Shelonin on the transfer of relics of Metropolitan Philip. *Knizhnye tsentry Drevney Rusi: Solovetskiy monastyr'*. St. Petersburg, 2001. P. 342–437. (In Russ.)
18. Simeon Denisov. The Story of the Fathers and Sufferers of Solovki. Illuminated manuscript from the collection of F. F. Mazurin. (N. V. Ponyrko, E. M. Yukhimenko, Eds.). Moscow, 2002. 272 p. (In Russ.)
19. Filippov I. The history of the Vyg Old Believer Community. St. Petersburg, 1862. 480 p. (In Russ.)
20. Yukhimenko E. M. The Vyg Old Believer Community. Spiritual life and literature. In 2 vols. Moscow, 2002. Vol. 1. 544 p.; Vol. 2. 480 p. (In Russ.)
21. Yukhimenko E. M. The literary heritage of the Vyg Old Believer's Community. In 2 vols. Moscow, 2008. Vol. 1. 688 p.; Vol. 2. 568 p. (In Russ.)
22. Yukhimenko E. M. Ignorance and wisdom in the Vyg Old Believer writers' interpretation. *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury*. St. Petersburg, 2004. Vol. 55. P. 508–516. (In Russ.)
23. Cyževskij D. Zur Stilistik der altrussischen Literatur. Topik. *Festschrift für Max Vasmer zum 70. Geburtstag am 28. Februar 1956*. Wiesbaden, 1956. S. 105–112.
24. Hermann A. Das steinharte Herz: Zur Geschichte einer Metapher. *Jahrbuch für Antike und Christentum*. Jahrgang 4 (1961). Münster, 1962. S. 77–107.
25. Obermayr A. Zum *Toposbegriff* der modernen Literaturwissenschaft. *Toposforschung*. Hrsg. von Max L. Baeumer. Darmstadt, 1973. S. 252–267 (Wege der Forschung. Bd. 395).